

RU

Город и деревня как исторические категории в работах Антонио Грамши

Русинова А. С.

Аннотация. Цель исследования – выявление эволюции и стратегического потенциала концептуальной оппозиции «город – деревня» в «Тюремных тетрадах» Антонио Грамши как инструмента исторического анализа и политической стратегии. В статье предложена новая интерпретация трансформации взглядов итальянского мыслителя: в отличие от работ Ф. Контадини, где акцент сделан на линейной эволюции, в данном исследовании впервые доказывается, что переход Грамши от механистической модели к диалектической сопровождается проблематизацией самого способа, которым Грамши связывает политику с пространством. В работе разбираются три примера – концепция Макиавелли, Французская революция и итальянское Рисорджименто – и показывается, что эта связь у Грамши бывает двух видов. Первый вид назван «вертикальной» связью: она строится на иерархии и подчинении. Второй – «горизонтальной»: она диалектическая и исходит из того, что общество внутри себя неоднородно. Чтобы объяснить, почему одни гегемонистские проекты терпят крах, вводится понятие «дефицит горизонтальной артикуляции». Так объясняется, в частности, почему потерпела неудачу Партия действия в годы Рисорджименто. Новизна работы заключается в том, что зрелые взгляды Грамши собраны здесь в целостную картину. Кроме того, показано, что у Грамши есть вполне работающая теория о связи пространства и времени. С ее помощью можно по-новому взглянуть на то, почему современный мир развивается неравномерно. В результате исследования установлено, что, несмотря на теоретическую эволюцию взглядов, Грамши остается в границах марксистской традиции, не пересматривая сами категории «город» и «деревня» как теоретические конструкты, что, однако, не обесценивает его анализ, а открывает пространство для его актуализации в русле современных урбанистических теорий.

EN

City and countryside as historical categories in the works of Antonio Gramsci

A. S. Rusinova

Abstract. The purpose of the study is to identify the evolution and strategic potential of the conceptual opposition “city – countryside” in Antonio Gramsci’s “Prison Notebooks” as an instrument of historical analysis and political strategy. The article proposes a new interpretation of the Italian thinker’s intellectual transformation: unlike the works of F. Contadini, which emphasize linear evolution, this study demonstrates for the first time that Gramsci’s transition from a mechanistic to a dialectical model is accompanied by a problematization of the very way in which he links politics with space. The paper examines three cases – Machiavelli’s conception, the French Revolution, and the Italian Risorgimento – and shows that this connection in Gramsci takes two forms. The first type is termed a “vertical” connection: it is built upon hierarchy and subordination. The second is a “horizontal” connection: it is dialectical and proceeds from the premise that society is internally heterogeneous. To explain why certain hegemonic projects fail, the concept of a “deficit of horizontal articulation” is introduced. This explains, in particular, why the Action Party (Partito d’Azione) failed during the Risorgimento. The novelty of the work lies in synthesizing Gramsci’s mature views into a coherent picture. Furthermore, it is demonstrated that Gramsci offers a fully operational theory of the space-time relationship, which provides a fresh perspective on why the contemporary world develops unevenly. As a result of the study, it was established that despite the theoretical evolution of his views, Gramsci remains within the boundaries of the Marxist tradition without revising the categories of “city” and “countryside” themselves as theoretical constructs; this, however, does not diminish his analysis, but rather opens up space for its actualization in line with contemporary urban theories.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена растущим интересом в современной исторической и политической теории к пространственным измерениям социально-исторических процессов. В последние годы «Тюремные тетради» Антонио Грамши зарубежные исследователи все чаще читают не только как трактат о гегемонии, но и как источник для пространственного анализа (Contadini, 2017). Э. Саид, например, заметил, что Грамши дал «интерпретацию истории и общества, носящую по существу географический и территориальный характер» (Said, 2000, p. 479), в отличие от умозрительного историцизма Д. Лукача (2003). Ф. Фрозини пошел дальше: он пишет о том, что Грамши ставит «на первое место пространство и материальные различия» (Frosini, 2006, p. 151), отказываясь от идеи единого времени и универсальной логики развития. Другой исследователь – С. Кипфер (Kipfer, 2013) – прямо говорит о «пространственном историцизме» итальянского мыслителя: анализы Грамши всегда обусловлены географией. Наиболее детально проблематику города и деревни у Грамши разработал Ф. Контадини (Contadini, 2017, p. 173), который показал, что тот последовательно усложняет свои взгляды от ранних статей к «Тетрадам», однако, по мнению Контадини, Грамши так и не пересматривает сами категории «город» и «деревня» как теоретические конструкты.

Однако при всем признании «пространственной чувствительности» Грамши и при наличии детальных исследований отдельных аспектов (как у Контадини) остается недостаточно проработанным один конкретный вопрос: как именно оппозиция «город – деревня» работает у Грамши в качестве инструмента политической стратегии и исторического анализа, а не только аналитической категории, и как эволюционирует логика ее использования для диагностики гегемонии. Кроме того, ни один из исследователей не поставил проблему типологии этой эволюции: предполагается, что движение от механицизма к диалектике было линейным и однонаправленным.

Таким образом, научная проблема настоящего исследования состоит, во-первых, в том, чтобы реконструировать внутреннюю логику грамшианского анализа, показав, что эта эволюция связана со сменой типа пространственной артикуляции; во-вторых, в том, чтобы выявить теоретический потенциал этой концепции для анализа современных пространственных иерархий, который до сих пор не был эксплицирован в литературе.

Авторская гипотеза исследования состоит в следующем: в «Тюремных тетрадах» Грамши имплицитно различает два типа пространственной артикуляции – «вертикальную» (иерархическую, где город выступает субъектом, а деревня – объектом модернизации) и «горизонтальную» (диалектическую, где город и деревня признаются гетерогенными, а прогрессивным оказывается тот класс, который способен артикулировать их различия в единую гегемонистскую стратегию). Ключевой причиной провала итальянского Рисорджименто как «пассивной революции» был именно дефицит горизонтальной артикуляции: северный городской блок не смог признать южную деревню самостоятельным политическим субъектом, что привело к конституированию Юга как «внутренней колонии».

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- выявить хронологическую динамику взглядов Грамши на соотношение города и деревни на материале ранних статей, «Писем из тюрьмы» и «Тюремных тетрадей», проблематизировав тезис об их линейной эволюции;
- определить ключевые концепты (гегемония, последовательные комбинации, соотношение сил), через которые Грамши осмысляет пространственные отношения, и эксплицировать имплицитную теорию «пространственной темпоральности»;
- проанализировать три исторических прецедента – концепцию Макиавелли, Французскую революцию и итальянское Рисорджименто – как случаи успешной или неуспешной органической связи между городом и деревней, введя понятие «дефицита горизонтальной артикуляции»;
- установить теоретические пределы грамшианского подхода, связанные с некритическим использованием самих категорий «город» и «деревня», и предложить направления его актуализации.

В качестве методов в данной статье применяются историко-генетический метод (для реконструкции эволюции взглядов Грамши), метод концептуального анализа (для выявления ключевых понятий и их трансформации), сравнительно-исторический метод (при сопоставлении трех исторических прецедентов) и элементы дискурс-анализа (при интерпретации текстов «Тюремных тетрадей» и писем).

Источниковая база исследования выстроена таким образом, чтобы обеспечить возможность хронологического и жанрового сравнения. Основной корпус – критическое издание «Тетрадей» под редакцией В. Джерратаны (Gramsci, 2014a; 2014b), которое является на сегодняшний день наиболее авторитетным и текстологически выверенным: оно содержит все тетради в их исходной хронологии, с критическим аппаратом, позволяющим различать правки и датировки отдельных фрагментов. Это принципиально важно для нашей задачи, поскольку Грамши писал тетради нелинейно, и только это издание дает возможность установить относительную хронологию записей (Cospito, 2011). Дополнительно мы привлекаем «Письма из тюрьмы», которые фиксируют моменты рефлексии, не вошедшие в тетради, и которые помогают понять, как Грамши сам оценивал свои прежние взгляды (Gramsci, 1965). Кроме того, дотюремные статьи («Рабочие и крестьяне», 1919 г., и «Некоторые аспекты южного вопроса», 1926 г.) включены в источниковую базу именно для того, чтобы продемонстрировать эволюцию: без сравнения с этими текстами нельзя показать, что в «Тетрадах» происходит качественный сдвиг (Gramsci, 1919; 1995). Таким образом, три группы источников (ранние статьи, письма, тетради) образуют достаточный материал для реконструкции динамики взглядов Грамши.

Теоретическую базу исследования составляют работы, показывающие, что пространство у Грамши – не фон, а активное измерение истории и политики. Так, Э. Саид прямо называет способ мышления Грамши «географическим и пространственным в своих базовых координатах» и подчеркивает, что Грамши постоянно противился стремлению все гомогенизировать и уравнивать (Said, 2000, p. 453). Для нашей работы здесь важен сам принцип: грамшинский анализ нельзя оторвать от того места, где он возник, а гегемония у него всегда имеет территориальное измерение.

Другой грамшист – Ф. Фрозини – развивает эту мысль, показывая, что идее единой истории и единого времени Грамши противопоставляет «примат пространства и материальных различий» (Frosini, 2006, p. 150-151). Отказываясь от представления о единой логике развития, Грамши тем самым признает, что разные исторические времена могут сосуществовать в одном пространстве. Это положение лежит в основе вводимого нами понятия «пространственной темпоральности». Кроме того, С. Кипфер (Kipfer, 2013, p. 83) называет метод Грамши «пространственным историзмом»: исторический анализ у Грамши неотделим от географического. Мы опираемся на него, когда показываем, что гегемония у Грамши всегда имеет территориальное измерение.

Отдельно выделим работу Ф. Контадини, наиболее детально разработавшего проблематику города и деревни у Грамши. Контадини (Contadini, 2017, p. 173) показал, что Грамши последовательно усложняет свои взгляды от ранних статей к «Тетрадам», однако, по его мнению, сами категории «город» и «деревня» он так и не пересматривает: Грамши меняет свой подход к ним, но не уточняет, что именно понимает под этими словами, и по-прежнему исходит из их привычного значения. Мы принимаем его реконструкцию эволюции, но расходимся с ним в интерпретации: Контадини описывает эту эволюцию как линейную, тогда как мы выявляем ее конкретную типологию – переход от вертикальной артикуляции к горизонтальной – и связываем ее с ключевыми понятиями Грамши (гегемония, соотношение сил, последовательные комбинации). Контадини детально реконструирует, как меняется подход Грамши к паре «город – деревня»: от простой неодновременности к сложной. Однако он не ставит вопроса о типологии этой эволюции – то есть о том, можно ли выделить качественно разные типы пространственной артикуляции и описать переход между ними. В данной работе предлагается именно такая типология: различение вертикальной и горизонтальной артикуляции.

Кроме того, мы руководствуемся посылом, который четко сформулировал А. Бурджио. Реконструируя наследие Грамши как единое целое, он подчеркивает «сущностную историчность человека»: человек у Грамши есть прежде всего «историческое творение» (Burgio, 2014, p. 28). Этот тезис важен для нашей работы, поскольку мы показываем эволюцию взглядов Грамши как смену типа пространственной артикуляции внутри единой марксистской рамки.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенный инструмент – различение вертикальной и горизонтальной артикуляции и понятие «дефицита горизонтальной артикуляции» – позволяет анализировать неравномерное развитие не как отставание одних регионов от других, а как результат неосвоенного пространственного различия. Это может применяться как в преподавании курсов по истории политической мысли, теории гегемонии и пространственному анализу, так и при разработке стратегий регионального развития, в том числе на постсоветском пространстве.

Обсуждение и результаты

У Грамши нет отдельной работы о пространстве, пространственном повороте или влиянии географического фактора на исторический процесс. Но понимание пространства пронизывает его текст, выступая не как пассивный фон, а как активное измерение социальных отношений в истории. Один из ключевых текстов здесь – знаменитое размышление о «соотношении сил» из четвертой тетради, где Грамши говорит о «гегемонистских комбинациях», которые «осложняются между собой, горизонтально и вертикально, т. е. по экономической деятельности (горизонтально) и по территории (вертикально)» (Gramsci, 2014a, p. 458). То есть для Грамши территория – не однородное пространство, а иерархичная структура, где разные географические локации обладают разным политическим весом. Это не просто география в физическом смысле, а политическая и историческая география. Именно поэтому отношение между городом и деревней становится для него не частным вопросом, а ключом к пониманию гегемонии в целом.

Сам Грамши (Gramsci, 2014a, p. 455) неоднократно подчеркивал, что его метод требует отличать «постоянное от случайного» в структуре и что любое политическое действие должно быть вписано в конкретный территориальный контекст. В этом смысле его подход можно назвать диалектическим локализмом: он не отрицает универсальных законов капитализма, но настаивает на том, что эти законы всегда преломляются через локальные, пространственно обусловленные условия.

Как замечает Контадини, у Грамши «вместо идеи о том, что существуют единая история и единое время, [...] на первое место выходят пространство и материальные различия» (Contadini, 2017, p. 156). С этим трудно не согласиться. Однако, на наш взгляд, это не означает, что Грамши отказывается от историзма – скорее, он говорит о таком историзме, в котором время и пространство неразрывны. Здесь мы предлагаем ввести термин «пространственная темпоральность» для обозначения этого принципа: Грамши признает, что в одном и том же географическом пространстве могут сосуществовать разные исторические времена (архаичные, зрелые и зачаточные формы общественных отношений накладываются друг на друга). Это не просто эмпирическое наблюдение, а политический вызов: гегемония невозможна, если политический субъект не способен артикулировать эти разновременные слои в единую стратегию.

Ключевым понятием здесь становится «последовательная комбинация». Эту идею Грамши разворачивает в первом томе «Тетрадей», показывая, что культурные изменения редко происходят скачкообразно. Чаще они идут через цепочку промежуточных звеньев, причем то, что в одном регионе уже устарело, в другом может быть воспринято как новшество (Gramsci, 1965, p. 34). Он приводит яркий пример: железнодорожное оборудование, списанное в Америке, еще долго служит в Китае, представляя там технический прогресс. Аналогично в культуре: идеологический слой, ставший «ломом» в городе, может оставаться «инструментом» в провинции (Gramsci, 1965). Таким образом, согласно Грамши, идеологическая и историческая борьба всегда имеет пространственное измерение – то, что побеждено в центре, может сохранять влияние на периферии, и наоборот. Это радикально меняет понимание политической стратегии: нельзя просто «экспортировать» революцию из города в деревню, как нельзя и игнорировать специфику каждого региона.

Если посмотреть на тексты Грамши в хронологическом порядке, можно увидеть отчетливую эволюцию. В статье «Рабочие и крестьяне» он исходит из того, что промышленные города являются главной движущей силой революции, а деревня должна быть «подтянута» к городу через создание специальных институтов и внедрение машин (Gramsci, 1919). Здесь деревня – объект, который нужно преобразовать, а город – единственный субъект. Глагол «связать» предполагает одностороннее действие. Мы предлагаем называть эту модель «вертикальной артикуляцией», поскольку она подразумевает жесткую иерархию: город – это «верх», деревня – «низ», и единственно возможное движение – это движение сверху вниз. Эта модель полностью коррелирует с тем, что Грамши позже назовет «господством» (*dominio*): в отличие от «гегемонии» (*egemonia*) она опирается на принуждение и однонаправленное воздействие, а не на согласие и признание.

Но уже в тексте «Некоторые аспекты южного вопроса» картина усложняется. Грамши теперь говорит о крестьянах как о «движущей силе революции» (Gramsci, 1995, p. 6). Это не просто риторический сдвиг. За ним стоит признание того, что деревня обладает собственной политической динамикой, которую нельзя редуцировать к «отсталости». Крестьянство – не пассивная масса, а сила, с которой нужно считаться, которую нужно не «подтягивать», а убеждать, вовлекать. Однако структурно модель остается вертикальной: признается, что «низ» может двигаться, но он все еще мыслится как единый, гомогенный блок, который нужно «освободить» или «организовать» сверху.

Наконец, в «Тюремных тетрадах» в §26 XIX тетради Грамши совершает качественный скачок. Он начинает с категорического утверждения: отношения между городским и сельским населением не являются однотипными, особенно в Италии (Gramsci, 2014b, p. 2035). В его понимании город и деревня теперь не монолиты, а внутренне неоднородные конструкторы. И чтобы их анализировать, нужно предварительно прояснить, что именно мы имеем в виду под «городским» и «сельским» в условиях современной цивилизации, а также учитывать, как устаревшие и отсталые формы могут комбинироваться с новыми (Gramsci, 2014b, p. 2036).

Интересным тезисом этого параграфа представляется наблюдение, что иногда сельский тип может оказаться прогрессивнее городского. Грамши не развивает эту мысль подробно, но она переворачивает традиционную марксистскую схему. Если сельский тип может быть прогрессивнее городского, значит, прогресс не привязан жестко к месту. Он зависит от конкретного соотношения сил, от исторического наслоения, от того, какие социальные группы контролируют данное пространство. Этот момент грамшианского анализа позволяет объяснить, почему в некоторых случаях крестьянские движения могут быть авангарднее городских, а городские, наоборот, – консервативными.

Здесь наше ключевое авторское уточнение: мы предлагаем интерпретировать этот фрагмент не как простое «признание неоднородности» (что делает и Контадини), а как переход к «горизонтальной» модели артикуляции. В этой модели город и деревня мыслятся не как «верх» и «низ», а как две гетерогенные и неравновесные системы, которые требуют не одностороннего «подтягивания», а взаимного признания и артикуляции их различий в едином политическом проекте. Прогрессивным оказывается не то место (город или деревня), а тот класс, который способен в данном месте и в данный момент установить гегемонию через признание другого. Именно этот переход – от вертикальной модели к горизонтальной – является главным, но, как мы покажем далее, незавершенным достижением Грамши.

Данный концепт мыслитель применяет в «Тетрадах» к следующему историческому материалу: концепция Н. Макиавелли, Французская революция и эпоха Рисорджименто. Так, Макиавелли, по мнению Грамши, был первым, кто осознал, что проблема города и деревни не просто административная или военная, а гегемонистская. В письме из тюрьмы он называет Макиавелли «первым итальянским якобинцем», потому что тот через организацию армии пытался установить гегемонию города над деревней, но не смог выйти за рамки военного подхода из-за отсутствия физиократической культурной базы (Gramsci, 1965, p. 269). Наша интерпретация: Макиавелли интуитивно схватывает необходимость вертикальной артикуляции (город должен контролировать деревню), но не понимает, что гегемония требует горизонтального признания. Его подход остается инструментальным (господство), а не гегемонистским (согласие). Однако Грамши считает Макиавелли пророком: идея была верной, но исторические условия не позволили ее реализовать.

В заметках о французской национальной жизни Грамши показывает, что в 1789 г. парижский городской блок вел за собой провинцию, создав миф о всеобщем избирательном праве, который закреплял гегемонию города (Gramsci, 2014b, p. 1638). Якобинцы дали крестьянам землю и тем самым превратили деревню из пассивного объекта в активную движущую силу революции. Это классический пример горизонтальной артикуляции: город признает деревню как самостоятельную силу, артикулирует ее требования в свою программу и получает легитимность. Однако эта гегемония не была вечной. После 1871 года Париж теряет свою руководящую роль, потому что капитализм распространяется по всей стране, а городская демократия раскалывается.

Радикальные силы вынуждены искать союз на промежуточном уровне – между городской рабочей аристократией и зажиточными крестьянами, – что ведет к буржуазному якобинству и парламентской гегемонии (Gramsci, 2014b, p. 1638). Но и эта форма постепенно размывается из-за новых миграционных потоков и урбанизации.

Этот пример показывает, что Грамши мыслит гегемонию не как раз и навсегда завоеванное состояние, а как подвижное равновесие, которое зависит от пространственных сдвигов. Миграция, урбанизация, изменение экономической структуры – все это меняет баланс между городом и деревней, и политические институты должны постоянно адаптироваться, иначе они теряют легитимность. Это важнейший вывод, который часто упускается из виду: пространственная артикуляция не является раз и навсегда достигнутым состоянием, она требует постоянного воспроизводства.

Наконец, итальянское Рисорджименто дает Грамши пример неудачи. Партия действия не смогла стать якобинской по социальному содержанию, потому что не предложила крестьянам органической программы, отражающей их существенные требования (Gramsci, 2014b, p. 2029). В результате этого объединение Италии произошло, но без революционного преобразования общества – «революция без революции», как замечает Грамши (Gramsci, 2014b, p. 2028). А правящие круги, наоборот, умело использовали дисбаланс между Севером и Югом, превратив его в инструмент гегемонии. Эта гегемония оказалась ущербной и ограниченной: она держалась скорее на господстве, чем на добровольном согласии. Именно поэтому Грамши (Gramsci, 2014b, p. 2021–2022) говорит не просто о «господстве» Севера над Югом, а о «гегемонии», подчеркивая, что доминирование осуществлялось не только через экономическую эксплуатацию и политический диктат, но и через культурное и идеологическое лидерство, которое делало эту власть легитимной в глазах элит и, что важнее, воспринималось как «естественное» самими подчиненными.

Здесь мы вводим новый аналитический концепт – «дефицит горизонтальной артикуляции». Мы показываем, что провал Партии действия был не просто тактической ошибкой или недостатком революционной воли, а системным пространственным дефицитом. Северный городской блок оказался пространственно и культурно оторван от южной деревни: он не понимал ее внутренней структуры (крупное землевладение, нищее крестьянство, полуфеодалные отношения) и не мог артикулировать ее требования в общеитальянский проект. Юг остался «внутренней колонией» не потому, что Север был «злым», а потому, что пространственное различие не было политически освоено – оно было превращено в иерархию, а не в ресурс для гегемонии. Грамши показывает, что неравенство между Севером и Югом – не «ошибка» или «наследие», а конститутивный элемент капиталистической модернизации в Италии. Без Юга не было бы Севера. И поэтому освобождение Юга – это условие освобождения всей страны. Это же применимо и к современным пространственным иерархиям – от глобального Юга до региональных периферий.

Для Грамши именно в этом пункте – в неспособности установить органическую связь между городом и деревней – кроется ключевое объяснение того, почему Рисорджименто стало не революцией, а «пассивной революцией». Французские якобинцы, напротив, преуспели именно потому, что поняли: гегемония невозможна без союза с крестьянством. Они дали крестьянам землю, завоевав их поддержку, и тем самым превратили деревню из пассивного объекта в активную движущую силу революции. Итальянская Партия действия, по мысли Грамши (Gramsci, 2014b, p. 2024), не смогла сделать этого: она не предложила крестьянам органической программы, отражающей их существенные требования, и оставила их за бортом исторического процесса.

Логика «последовательных комбинаций» напрямую объясняет, почему в Италии Рисорджименто оказалось «пассивной революцией». Разные регионы страны были на разных этапах исторического развития: Север уже переживал индустриализацию и формирование капиталистических отношений, тогда как Юг оставался полуфеодалным, с крупным землевладением и нищим крестьянством. Эти темпоральности сосуществовали в одном пространстве, но не были соединены органически. Провал Партии действия, по Грамши, состоял в том, что она не смогла преодолеть этот разрыв – не предложила крестьянам программы, которая отражала бы их требования и одновременно вписывалась в общеитальянский политический проект. Вместо этого правящие круги просто наложили северную модель на южную реальность, сохранив и даже усилив дисбаланс. Таким образом, «последовательные комбинации» позволяют Грамши объяснить, почему в Италии не произошло того, что произошло во Франции: не потому, что итальянцы были «менее развиты», а потому, что пространственная и временная неоднородность не была политически освоена.

При всем богатстве анализа у Грамши есть и теоретический предел. Он детально исследует содержимое понятий «город» и «деревня», но не ставит под сомнение адекватность реальности самих этих понятий. Как замечает Контадини, «понятия города и деревни [...] кажется, остались, в своем неявном определении, идентичными при изменении внутренних балансов мысли Грамши. Создается впечатление, что это понятия, отсылающие к устоявшимся объектам, которые не нуждаются в переформулировке» (Contadini, 2017, p. 173). Получается, что Грамши остается в рамках марксистской традиции, которая рассматривает эти два полюса как данность, возможно, потому что его интересует прежде всего политическая стратегия, а не философская ревизия категорий. Но, может быть, и потому, что он не успел – смерть оборвала работу над «Тетрадами» в 1937 г.

Однако, в отличие от Контадини, мы не считаем этот предел фатальным. Напротив, именно незавершенность грамшианской модели делает ее открытой для продуктивного диалога с современными теориями. Грамши дает инструменты и оставляет пространство для их переосмысления. Он показывает, как пространство участвует в производстве гегемонии, но не говорит, что пространство само по себе является гегемонистским конструктом (то есть пространство не автономно, не субъектно, но оно есть важное условие). Если мы признаем, что «город» и «деревня» – это не онтологические данности, а политические конструкты, то грамшианская

логика «последовательных комбинаций» позволяет анализировать, как именно эти конструкты производятся, оспариваются и переопределяются в разных пространственно-временных контекстах.

Кроме того, Грамши оставляет нерешенным вопрос о механизмах согласования интересов города и деревни. Он признает, что разрозненность и изолированность сельского населения делают невозможной его политическую организацию в партии в том смысле, какой это слово имеет для других социальных групп (Gramsci, 2014b, p. 2039). Но тем не менее Грамши дает общий принцип, как именно создать тот «организационный скелет», который мог бы связать разрозненные крестьянские массы с политическим центром.

По нашему мнению, ценность концепции Грамши заключается в том, что он предлагает язык для описания неравномерного развития, который не сводится к простой оппозиции «передовые» и «отсталые» регионы. Вместо линейной схемы появляется сложная картина «последовательных комбинаций», где одно и то же явление может быть прогрессивным в одном месте и реакционным в другом. Это особенно актуально для понимания постсоветских пространств, где индустриальные центры и сельские периферии часто живут в разных исторических временах. Например, в России 1990-х годов рыночные реформы, которые в Москве воспринимались как безусловный прогресс, в российской провинции часто вели к деиндустриализации и социальной катастрофе – классический случай, когда «городской прогресс» оборачивается «деревенской трагедией». Грамшианская оптика позволяет анализировать это как дефицит горизонтальной артикуляции: московский блок навязал свою вертикальную модель всей стране, не признавая периферию как самостоятельный субъект.

Более того, этот аналитический инструмент имеет прямое эвристическое значение для объяснения современных пространственных кризисов, включая украинский кризис 2014–2022 гг. В этом контексте город и деревня выступают не только как экономические или социальные категории, но и как политико-идентитарные полюса. Киев как политический центр, особенно после 2014 года, пытался установить вертикальную артикуляцию над Донбассом, рассматривая его как «отсталую» или «пророссийскую» периферию, которую необходимо «модернизировать» и «просвещать». Однако эта модель провалилась именно из-за дефицита горизонтальной артикуляции: Киев не признал Донбасс как регион со своей внутренней структурой, историей и политической логикой, не предложил программы, артикулирующей его интересы. В результате вертикальное господство было заменено военным принуждением, что в терминах Грамши означает не гегемонию, а чистое господство и, как следствие, потерю легитимности. Таким образом, грамшианский анализ показывает, что подлинная гегемония возможна только через признание гетерогенности и выработку программы, учитывающей интересы всех пространственных слоев.

Грамши напоминает, что гегемония всегда имеет пространственное измерение. Нельзя завоевать гегемонию, игнорируя территориальные различия. Политическая стратегия должна быть чувствительной к тому, как разные места по-разному включены в капиталистическую систему. Также Грамши показывает, что проблема города и деревни не только экономическая или социальная, но и культурно-идеологическая. Крестьяне должны не просто получить выгоду, но и признать легитимность городского руководства. Это требует долгой работы по созданию «национально-народной коллективной воли» (Contadini, 2017, p. 175). И эта работа не может быть сведена к пропаганде; она должна быть вписана в повседневные практики, в образования, в культурные институты.

Заключение

Проделанный анализ позволяет сделать несколько выводов, которые корректируют существующие интерпретации грамшианского подхода.

Во-первых, эволюция грамшианского подхода может быть описана как переход от вертикальной к горизонтальной модели пространственной артикуляции. Если в ранней статье «Рабочие и крестьяне» город выступает единственным субъектом модернизации, а деревня – лишь пассивным объектом (вертикальная модель), то уже в «Некоторых аспектах южного вопроса» крестьянство признается самостоятельной движущей силой. Апогей этого переосмысления достигается в §26 XIX тетради, где Грамши не только констатирует внутреннюю неоднородность как города, так и деревни, но и допускает парадоксальную ситуацию, когда сельский тип может оказаться прогрессивнее городского (горизонтальная модель). Впервые в интерпретации идей Грамши мы предлагаем эту типологизацию, которая позволяет преодолеть простое описание «эволюции взглядов» (у Контадини) и выйти к анализу внутренней логики перехода.

Во-вторых, в анализе нам помогают два понятия: «последовательные комбинации» из первой тетради и «пространственная темпоральность», о которой мы говорили выше. Они позволяют объяснить, почему одно и то же явление может быть архаичным в одном регионе и прогрессивным в другом, почему культурные и идеологические формы наслаиваются друг на друга, а не сменяются по единой логике. Это не просто метафора, а рабочий концепт, который Грамши использует для объяснения реальных исторических конфигураций – и именно он придает его пространственному анализу объяснительную силу.

В-третьих, испытанием этого инструмента служат три исторических прецедента, к которым Грамши постоянно обращается. В случае Макиавелли он видит прозрение, не реализованное из-за отсутствия культурной базы; Французская революция дает пример успешной гегемонии города над деревней, но эта гегемония оказывается исторически преходящей; итальянское Рисорджименто, напротив, демонстрирует провал – Партия действия не смогла стать якобинской именно потому, что не предложила крестьянам органической

программы. Нами введено понятие «дефицита горизонтальной артикуляции» для объяснения этого провала: северный городской блок оказался пространственно и культурно оторван от южной деревни, что превратило пространственное различие в иерархию, а не в ресурс для гегемонии. Во всех трех случаях связь или разрыв между городом и деревней становятся решающим фактором политического успеха, и Грамши последовательно показывает, что гегемония невозможна без учета территориального измерения.

В-четвертых, теоретический предел Грамши (некритичность категорий «город» и «деревня») не обесценивает его анализ, а открывает пространство для его актуализации. Мы предлагаем рассматривать Грамши как автора незавершенной, но продуктивной исследовательской программы, которая может быть дополнена современными урбанистическими теориями (Харви, Соя), проблематизирующими онтологический статус пространства.

Практическое значение грамшианского подхода для сегодняшнего дня состоит в его чувствительности к пространственным различиям и в понимании гегемонии как территориально обусловленного процесса. Как показано на примере постсоветских трансформаций и украинского кризиса 2014–2022 гг., попытка навязать вертикальную модель без признания внутренней гетерогенности периферии ведет к потере гегемонии и эскалации насилия. Подлинная политическая стабилизация возможна только через горизонтальную артикуляцию, признающую пространственное различие как ресурс. В условиях глобализации, новых миграций и распада старых схем «центра» и «периферии» его оптика дает исследователям и политикам ценные ориентиры для анализа неравномерного развития и выработки стратегий, учитывающих локальные контексты.

Материалы исследования | Research materials

1. Gramsci A. La questione meridionale. Roma: Editori Riuniti, 1995.
2. Gramsci A. Lettere dal carcere / a cura di S. Caprioglio e E. Fubini. Torino: Einaudi, 1965.
3. Gramsci A. Operai e contadini // L'Ordine Nuovo. 1919. 2 agosto.
4. Gramsci A. Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci / a cura di V. Gerratana. Torino: Einaudi, 2014a.
5. Gramsci A. Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci / a cura di V. Gerratana. Torino: Einaudi, 2014b.

Источники | References

1. Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
2. Burgio A. Gramsci. Il sistema in movimento. Roma: Derive Approdi, 2014.
3. Contadini D. "Il vecchio muore e il nuovo non può nascere". Sulla coppia concettuale città-campagna nei Quaderni del carcere di Gramsci // Quaderni Materialisti. 2017. No. 16.
4. Cospito G. Il ritmo del pensiero. Per una lettura diacronica dei Quaderni del carcere di Gramsci. Napoli: Bibliopolis, 2011.
5. Frosini F. Immanenza e materialismo storico nei "Quaderni del carcere" di Gramsci // Quaderni Materialisti. 2006. № 5.
6. Kipfer S. Gramsci's Spatial and Planetary Politics // Gramsci. Space, Nature, Politics / eds. Ekers M. et al. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013.
7. Said E. W. Reflections on Exile and Other Essays. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

Информация об авторах | Author information

Русинова Анна Сергеевна¹

¹ Центр итальянского языка и культуры Данте, г. Мариуполь

Anna Sergeevna Rusinova¹

¹ Dante Center for Italian Language and Culture, Mariupol

¹ annarusinova.it@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.09.2026; опубликовано online (published online): 28.09.2026.

Ключевые слова (keywords): Антонио Грамши; марксистская традиция; анализ пространства; связь пространства и времени; горизонтальные связи; Antonio Gramsci; Marxist tradition; spatial analysis; space-time relationship; horizontal connections.